

Книги Андрея Белянина,
вышедшие в
«Издательстве АЛЬФА-КНИГА»

Трилогия
«МЕЧ БЕЗ ИМЕНИ»
«**МЕЧ БЕЗ ИМЕНИ**»
«**СВИРЕПЫЙ ЛАНДГРАФ**»
«**ВЕК СВЯТОГО СКМИНОКА**»
✦
Диалогия
«МОЯ ЖЕНА — ВЕДЬМА»
«**МОЯ ЖЕНА — ВЕДЬМА**»
«**СЕСТРЁНКА ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ**»
✦
«**ДЖЕК СУМАСШЕДШИЙ КОРОЛЬ**»
«**РЫЖИЙ И ПОЛОСАТЫЙ**»
«**РЫЖИЙ РЫЦАРЬ**»
«**ВКУС ВАМПИРА**»
«**ОХОТА НА ГУСАРА**»
«**ДЕМОН ПО ВЫЗОВУ**»
«**МОЦАРТ**»
«**СОТНИК И БАСУРМАНСКИЙ ЦАРЬ**»
«**НОЧЬ НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ**»
✦
Диалогия
«КАЗАК НА ТОМ СВЕТЕ»
«**КАЗАК В РАЮ**»
«**КАЗАК В АДУ**»
✦
Трилогия
«ААРГХ»
«**ААРГХ**»
«**ААРГХ В ЭЛЬФЯТНИКЕ**»
«**ААРГХ НА ТРОНЕ**»
✦
С Христо Поштаковым (перевод и редакция)
«**МЕЧ, МАГИЯ И ЧЕЛЮСТИ**»
«**ГАСИ АМЕРИКУ!**»
✦
С Карен Махони (перевод и редакция)
«**ТЕНЬ КОТА-ВАМПИРА**»
✦
С Пламеном Митревим (перевод и редакция)
«**ВЕСЛОМ ПО ФЬОРДУ!**»
✦
В соавторстве с Игорем Касиловым
«**ГАВРЮША И КРАСИВЫЕ**»
✦
«**ШАШКА**»

Сериал
«ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА»
«**ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА**»
«**ЛЕТУЧИЙ КОРАБЛЬ**»
«**ОТСТРЕЛ НЕВЕСТ**»
«**ДЕЛО ТРЕЗВЫХ СКОМОРОХОВ**»
«**ОПЕРГРУППА В ДЕРЕВНЕ**»
«**ЖЕНИТЬСЯ И ОБЕЗВРЕДИТЬ**»
«**РЖАВЫЙ МЕЧ ЦАРЯ ГОРОХА**»
«**ЧЁРНЫЙ МЕЧ ЦАРЯ КОЩЕЯ**»
✦
Трилогия
«БАГДАДСКИЙ ВОР»
«**БАГДАДСКИЙ ВОР**»
«**ПОСРАМИТЕЛЬ ШАЙТАНА**»
«**ВЕРНИТЕ ВОРА!**»
✦
Цикл
«ОБОРОТНЫЙ ГОРОД»
«**ОБОРОТНЫЙ ГОРОД**»
«**КОЛДУН НА ЗАВТРАК**»
«**ХВАТАЙ ИЛОВАЙСКОГО!**»
✦
Цикл
«ГРАНИЧАРЫ»
«**ЗАМОК БЕЛОГО ВОЛКА**»
«**ДОЧЬ БЕЛОГО ВОЛКА**»
«**КЛАН БЕЛОГО ВОЛКА**»
✦
«**ПАСТУХ МЕДВЕДЕЙ**»
✦
Стихи
«**ЛАНА**»
✦
В соавторстве с Галиной Черной
«**ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОБОРОТЕНЬ**»
«**КАНИКУЛЫ ОБОРОТНЕЙ**»
«**ХРОНИКИ ОБОРОТНЕЙ**»
«**ВОЗВРАЩЕНИЕ ОБОРОТНЕЙ**»
«**ИСТОРИИ ОБОРОТНЕЙ**»
«**ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОБОРОТНЕЙ**»
«**АРХИВЫ ОБОРОТНЕЙ**»
«**ЛАЙНЕР ВАМПИРОВ**»
«**ВСЕ АРЕСТОВАНЫ!**»
«**ОТЕЛЬ «У ПРИЗРАКА»**»

Андрей Белянин и его друзья
«**КАЗАЧЬИ СКАЗКИ**»
«**ДНЕВНИК КОТА С ЛИМОНАДНЫМ ИМЕНЕМ**»
«**ЧЕГО ХОТЯТ ДЕМОНЫ**»
«**АНГЕЛ БЫСТРОГО РЕАГИРОВАНИЯ**»
«**НЕ НАДО, АЗРИЭЛЛА!**»

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН

НОЧЬ НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ

РОМАН

Москва, 2016
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б43

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1027

Художник
И. Воронин

Белянин А. О.

Б43 Ночь на хуторе близ Диканьки: Фантастический роман / Ил. А. Белянина. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 314 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2313-2

Старая рукопись, купленная по случаю на антикварном рынке, оставила по прочтении слишком много вопросов...

На что способны двое друзей — кузнец и гимназист? Действительно ли ведьма может красть звёзды? Как успокоить разбушевавшихся русалок? Чем отличается польский чёрт от украинского? Легко ли сбежать в пекло и обратно? Как поймать нечистого за хвост? Что курят за порожские сечевики на отдыхе? Можно ли за одну ночь слетать от Диканьки до Санкт-Петербурга за обувью от царицы? И самое главное: кто на самом деле автор знаменитых сказок? В смысле тот ли он, за кого себя выдает?..

В книге использованы иллюстрации автора.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Белянин А. О., 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2313-2

«Это что за невидаль: *Вечера на хуторе близ Диканьки*? Что это за вечера? И швырнул в свет какой-то пасичник!»

Вот вроде бы так начинается книга, так нас учили по школьной программе, верно?

Нет! Всё было совсем не так. Всё это, слава богу, началось гораздо ранее нижеследующих событий, хоть и увидело свет куда как позже. Ну а по совести говоря, чтобы не обманывать вас, любезные читатели мои, оказывается, и не было вначале никаких «Вечеров...».

Да что уж говорить, хлопнув смушковой шапкой с малиновым верхом, кою и самому заседателю из Миргорода не стыдно примерить будет, так, чтоб ни одна собака брехливая даже гавкнуть не смела да и морду свою поганую скривить в сторону хорошего человека, так вот, хлопнув об пол шапкой, побожусь, что истории те, что записаны пасечником Рудым Панько, и впрямь произошли в тихих краях наших. Но не пасечник их писал! Обман это всё... Так почему бы не рассказать ту правду, что вдруг стала мне известна? Вот только как поведать вам всё, не пытаясь подделаться под народный (тогда!) и высокий (теперь!) литературный стиль бессмертных строк. Ну да ладно, как смогу, так и начну, а уж вы решайте сами: читать не читать, верить не верить...

Но я и не стану врать, что, как любят говорить толкиенисты, «всё было не так, профессор не прав!». Всё так! Просто старая рукопись, попавшая мне в руки, ох, да и не руко-

пись, пожалуй, а объёмная пачка разрозненных пожелтевших листов, исписанных ажурным бисерным почерком, с грубоватыми рисунками на полях, вызвала у меня странные подозрения: всё ли мы знаем о том человеке, что придумал Диканьку и написал те самые «Вечера на хуторе...»?

И выходило, что ох как далеко не всё...

Папка была очень старой, кожаной, потрескавшейся от времени, а записи, которые она хранила, были куплены мной... даже не знаю зачем? Вот привязался на воскресном рынке какой-то полубомж, в крепком подпитии ещё с половины восьмого утра, то ли цыган, то ли немец¹, то ли ещё невесть какой чертяка с явно выраженным малороссийским акцентом, на голубом глазу уверяя меня, что «слушал про пана писателя, так шо вот оно вам тогда буде щиро интересно!», и всучил-таки мне за сто рублей эту разваливавшуюся древность.

Правда, когда через пять минут я проверил карманы, оказалось, что дал тому ушлому типу не сто, а тысячу целковых. Как?! Настроение резко упало, поскольку до дома мне теперь предполагалось идти пешком, ибо «панов писателей» любого уровня известности даже в нашей скромной провинции ни один таксист даром не возит. А тут ещё и дождь, чтоб его, проклятого, нашёл же время пролиться!

То есть в подъезд я ввалился уже практически мокрым насквозь, пряча под рубашкой злополучную покупку. Так у нас ещё и лифт отключили-и-и! Пешком на восьмой этаж!

Дома первым делом бросился в душ, потом налил большую кружку крепкого чая с малиной, удобно уселся в кресле, развязал верёвочки на папке и...

Господи боже, каково же было моё удивление, когда с первых страниц, чуть ли не рассыпающихся в моих руках, полилась певучая украинская речь и замелькали знакомые

¹ У нас в Малороссии любой иноземец, англичанин ли, француз, а то и просто чужак, все едино немец! — *Здесь и далее примеч. авт.*

названия: Диканька, Миргород, Сорочинцы, почудился запах свежего сала с чесноком, аромат горилки с перцем, слышался перестук царицыных черевичков, а за окном разлилась дивная гоголевская ночь!

И пусть даже сейчас всё ещё до конца не понимая, чьи путевые заметки попали мне в руки, я попытаюсь рассказать эту историю вам. Другим языком и другим словом, и уж тем более не дерзая говорить от первого лица, а лишь скромным взглядом стороннего наблюдателя. Итак, пожалуй, начнём с того, что его звали Николая...

Его звали Николая. Именно так, на французский манер, с ударением на последний слог, он и предпочитал представляться людям, с ним ранее незнакомым. Понятно, что сёстры и матушка молодого человека обращались к нему иначе, да и в провинциальном Нежинске среди Богданов, Оксан, Левко, Мыкол, Тарасов и Ганн это вычурное «Николя» звучало совершенно не к месту, но...

Что до этих условностей молодому повесе, высокому и мускулисту, с едва пробивающимися усиками, хитрой полуулыбкой и насмешливыми карими глазами. Не одна сельская или хуторская красавица грезилась в снах своих о молодом весёлом паныче с хорошо подвешенным языком и некольцованным безымянным пальцем правой руки. Но ни одна покуда не взволновала всерьёз его сердца.

Увы, наш герой как раз только и входил в тот самый период благородной юности, когда романтическое отношение к противоположному полу скорее заставляет вас совершать безумные подвиги в честь прекрасной дамы, чем без лишних разговоров волочить ту же даму на сеновал или под венец.

Вздохи и слёзы загорелых селянок не тревожили его сердца, полностью отданного во власть величайшей из недрог — он искал душою свою Лауру, свою Джульетту, свою Лукрецию, уж на худой конец, так и прекрасную Еле-

ну, взбреди ей в голову мыть ноги где-нибудь на отмели великого Днепра.

Последнее чрезвычайно огорчало тётушку, к которой выпускник Нежинской гимназии Николая прибыл на лето из города ради поправки здоровья и отдыха от скучной латыни, церковных псалмов и Евклидовой геометрии.

— Да что тебе надо, дитё ты неразумное? — всплёскивала полными руками добрейшей души Анна Матвеевна, заставляя скатерть, шитую красными петухами, громадными блюдами с пирогами, варениками, голубцами в виноградных листьях, могучим борщом да прочими полезностями. — Совсем ничего не ешь, уж так худ, что сердце кровью обливается! От нынче же скажу отцу Кондрату, чтобы посмотрел, что ты там за книжки небогоугодные за пазухой прячешь. Уж он-то у нас строг к вольтерьянству, таких епитимий, бывало, в церкви направо-налево отвешивает, что и матёрые запорожцы разлетаются, как спелые груши! Говори сей же час, что прячешь? Не доводи до слёз, ушибу...

— Стихи это, тётушка, — с тоской размышляя, как бы повежливее убраться из-за стола, был вынужден признаться молодой человек. — Вирши по-вашему.

— Вирши? Ох ты ж мне, грехи наши тяжкие... Чьи вирши-то? — Анна Матвеевна словно бы за поддержкой обернулась к двум слегка перезрелым дочерям.

— Великого английского стихотворца Шекспира Уильяма.

— Полюбовные, поди? — Двоюродные сёстры за столом прыснули смехом. — А почитай нам, Николенька, мы ужась как любовные истории любим! Поди, всё интереснее, чем парубки за овином брешут...

— Цыть, охальницы-балаболки! — прикрикнула маменька, грозно вздымая деревянную ложку, и лицо её благолепное, умудрённой опытом зрелости стало пунцово-красным. — Я вам дам любовности! За овином, говорите? Так вона господина исправника уж попрошу тех парубков в

шею гнать, а то и в солдаты лоб забрить за недозволенные речи! Знаю я, поди, что они там вам рассказывают. Было время, понаслушалася! А могла ить за самого настоящего генерала замуж выйти, если б не...

Тут затуманившийся воспоминаниями взгляд её пал на пустое место за столом.

— Николенька? Ах ты ж, стервец такой, ах ты ж...

Поздно. Осчастливленный свободой своей, молодой человек весьма вовремя утёк из дому. Яркое июньское солнце встретило его тёплыми объятиями, свежий ветер расцеловал в обе щеки, а ноги сами понесли за околицу, огородами, мимо зелёных яблонь и слив, в сторону тихой Диканьки. Именно там, в середине села, стояла огороженная плетнём добротная ухоженная хата, где с божьего благословения проживал сельский Тор, его единственный друг, добрейшей души кузнец Вакула.

Когда молодой паныч был ещё сопливым мальчишкой, именно Вакула, хоть и на год младше возрастом, отважно защищал Николая от компании соседских задир. В свою очередь и Николай проникся искренней дружбой к смуглому, крепколобому малышу, с трёх лет помогавшему отцу в кузне, и даже за год или два худо-бедно выучил приятеля грамоте. И тот и другой выросли, оба рано потеряли отцов, но если Николай от тяжёлого потрясения ударился в книги, то сын кузнеца с крестьянской основательностью продолжил родительское дело...

— Здравсьте, тётя Солоха, а Вакула дома? — ещё от плетня, не заходя во двор, крикнул недавний выпускник-гимназист.

— Нема его в хати, — сухо поджала сочные губы всё ещё роскошная женщина неполных сорока лет, поправляя расшитый платок, накинутый поверх заправленной в юбку рубахи. Вакула не раз рассказывал приятелю, что на его маму до сих пор изрядно заглядываются многие именитые козаки.

— А тебе он на шо? Геть отседа! — Солоха недолюбливала молодого человека, никогда не скрывая своего неприятия их дружбы с её сыном, а потому возмущённо продолжила: — От дурень так дурень! Плечи шире, чем бричка у заседателя, а ума Бог дал не более, як трезвому куму на именинах у свояченицы. Говоришь ему: он паныч, а ты хто?! Ты шо, ровня ему чи как? Та щоб он гикнулся от своей учёбы, ты будешь мать слухать?! Щоб у вас обоих под глазом по пузырю с копну величиной набежало, у него пид левым, у тя пид правым! Щоб вас пчёлы в язык покусали! Щоб вин... ой лышенько, ох серденько боли-ить...

Всё это и Николая, и Вакула слышали не раз и научились пропускать мимо ушей. Если дома друга не было, значит, он мог быть только в кузнице. Молодой гимназист пуше прежнего припустил вдоль околицы туда, где на самом отшибе стояла маленькая низкая хатка с кривой трубой и залихватски забекременной крышей, на манер запорожских капелюх.

Сквозь открытое оконце долетал весёлый перестук молотка и запах свежей краски. Мало кто не знал, что скромный кузнец балуется ещё и «малюванием», а от верного друга тем более никаких секретов не было. Да Николая и сам порой привозил ему разные картинки из Нежинска, по большей части всяких диковинных птиц или заморские цветы, беззастенчиво вырезанные из профессорских энциклопедий.

— Га-а, кого бачим?! Яку учёну цацу до нашей хаты ветром донесло! — Вакула отложил молот и радостно обнял друга. — А ну, поворотитесь-ка, паныч. Экий важный вы стали, прям как из самого стольного Санкт-Петербургу!

— Словно сто лет не видались, — с улыбкой подтвердил Николая, чуть морщась от боли, ибо кузнец гнул подковы, как гречневые блины. — А я вот с матушкой твоей поздороваться успел.

— Ох, опять, поди, лаялась?

— Вполне умеренно. — Николая пристроился задом на тёплую наковальню и, улыбаясь, спросил: — А что ж, Вакула, правду ли говорят на селе, будто бы твоя мать ведьма?

— Брешут, сучьи бабы, — не очень уверенно откликнулся кузнец, припоминая, как под окнами Солохи поочерёдно трутся и местный дьяк, и степенный козак Чуб, и достойный запорожец Свербыгуз, который ежели начнёт расписывать истории, то все тока за животики хватаются, и даже порой, страшно подумать, сам сельский голова!

А голова на селе это... о-го-го! Это сила и власть, почёт и уважение! Да и кто не мечтает стать головой? Пред ним

именитые козаки ломают шапку, девушки при встрече щебечут «добридень!», и даже господин исправник не гнушается откусать у него рюмку водки на Святках или церковном празднике в самом Миргороде.

— Как у тебя с Оксаной?

— Та-а... — неопределённо пожал широкими плечами кузнец и, понизив голос, прошептал: — А у старом храме за Диканькою, бают, шо нечистый балует...

— Расскажи! Ты же знаешь, как я люблю ваши малоросские сказки.

— Так сидайте сюды та слушайте. — Вакула кинул старый тулуп на один из мешков с углём. — Ось шо у нас на той недели такое було... И смех и грех в одной пропорции...

Когда надо, единственный сын красавицы Солохи умел вернуть учёное словцо, пусть и не всегда вовремя и к месту, но впечатление это всё равно производило чрезвычайное. Девки млели на ходу, и даже сам пан комиссар, качая мудрой головой, почитал разумным добавить лишний грошик за починку колёс своей брички. Учёный человек в наших краях такая же редкость, как турецкий павлин в курятнике. Какой же петух ему там позволит горло драть?

Но простите Христа ради, что отвлёкся, так вот, история, рассказанная диканьковским парубком своему городскому приятелю, была и жуткой и завораживающей одновременно. Якобы один молодой бурсак спьяну подкатил с полубовностями к старухе на постоялом дворе, а наутро старуха оказалась красивой девицей, которая от внезапно вспыхнувшей в сердце страсти так на месте и померла. А батька её, знатный запорожский сотник, потребовал от того бурсака читать молитвы над телом бедной панночки. Так бурсаку в том храме такие ужасы виделись, что он наутро седой вышел, а через день и вовсе пре- ставился...

— Что, вот прямо так просто взял и помер?

— Ни! С гопаком, писнями та разными прибамбасами, — даже слегка обиделся рассказчик. — Вот вам крест, паныч, шо так оно и було! А коли не верите, так нехай вам про то лысый дидько¹ расповедае...

— Да не пыжься ты, как кобыла цыганская, которой трубку в одно место вставили и всем табором дуют, — улыбнулся тонко в усики Николая. — Так что, говоришь, будто в том храме и поныне нечисть шурует?

— А то ж!

— Так я посмотреть хочу.

¹ Здесь: чёрт.

— Шо?

— По-вашему, побачить. — Славный правнук запорожского атамана Гоголя свободно владел обоими языками, но в разговоре с Вакулой всегда переходил на русский.

Кстати, по просьбе последнего, искренне полагающего, что, ежели вдруг его в Санкт-Петербурге сама царица об чём-нибудь спросит, а он и ответить не знает как. Ну чтоб самому не обидно и матушку государыню в неудобное положение не ставить. Может, оно и двусмысленно получилось, но куда денешься...

Вакула честно приложил крепкую ладонь на высокий лоб друга, убедился, что не горячий, значит, на лихоманку не спишешь, и уточнил:

— Николая, паныч, вы шо, сдурели чи как?

— Хочу сам убедиться, что в том храме, о котором ты рассказывал, действительно есть какая-то потусторонняя сила. По-научному элементарии!

— Ох ты ж, — восхитился кузнец, мысленно пробуя на вкус новое слово. — Ну так вам бы до того в церковь сходить, помолиться, исповедаться, причаститься, мало ли шо...

— А что?

— Та сгинете там, а я по вашу душу свечку пудовую ставить должен?! — Вакула важно перекрестился, подмигнул другу и хмыкнул: — Та тю! Шутю я, шутю! Вдвоём пойдём, нешто я вам не товарищ, а свиной хвост в еврейской каше?! От то-то и оно!

Разумеется, Николая не стал спорить, да и кто бы стал? Отказываться от помощи первого сельского силача было по меньшей мере глупо, а по большей — и вообще мозгов не иметь. К тому же, по совести говоря, Вакула был единственным, кто называл молодого паныча именно Николая, а не Коля, Николай, Николенька, Николай Васильевич. В общем, эта странная, на взгляд окружающих, дружба под-

питывалась огнём чистых сердец с обеих сторон, и когда в ту же кузню вдруг заявилися незваные гости...

— Вакула, здоровеньки були! Ты, поди, спишь, а шо ж, вилы батьки моего не готовы?! — В оконце заглянул один из диканьковских парубков, высокий лоб, под три сажени, если считать с шапкой. — Ой, а то хто? Нешто сам паныч до кузнецкого братки заявивси? Подивитесь, хлопцы!

В маленькое помещение тут же вломились аж шестеро не знающих, чем развлечься, крепких украинских парней. Недостаток культурного образования (меньшее, что только можно поставить им в упрёк) с лихвой компенсировался здоровым питанием, жизнью вдали от индустриальных

центров, свежим воздухом и практически полной безнаказанностью. То есть общеизвестная присказка «когда парубки гуляют, сам голова из хаты носу не высовывает!» имела под собой самое практическое объяснение. Голова просто боялся быть бит...

— Та то ж паныч Мыкола, гимназист ученый, — на раз опознал первый хлопец, лет эдак двадцати (ежели не с хвостиком). — У его тут тётка живе, та ещё у ней две дочки. Страшны як бисы...

Николя, не говоря дурного слова, сгрёб первое, что ему попало под руку, и запустил в болтуна. Тот на миг замер, получив тяжёлой подковой по зубам, а потом без писка рухнул навзничь.

— Шо? Хлопцы, так вони ж наших бьют?!

— От тоби и вилы батькины, — дружелюбно прогудел Вакула, опуская сельскохозяйственный инвентарь прямо на новенький сапог сунувшегося заводилы. Тот не сразу понял, что двинуться уже не может...

— Бейте их, козаки, бо вже достали-и!!!

По чести говоря, настоящих козаков, а тем более запорожцев, в самой Диканьке было мало. А сами парубки, хоть и справедливо числили себя козацкого роду, ни в одном военном походе участия не принимали, а турок и ляхов отважно рубали покуда лишь во сне да в фантазиях.

Невысокий крепыш Вакула сгрёб двоих драчунов и некрепко приложил лбами. Звук был как от пустых крынок, а хлопцы отлетели в разные стороны. Николя, считавшийся в гимназии тихоней, втайне изучал то, что англичане называли боксом, и чётко знал, с какой руки, увернувшись, бить противника в центр подбородка и чем хук отличается от апперкота.

Первый же удар получился настолько удачным, что веснушчатый хлопец вылетел через неплотно прикрытую дверь, оставив свои же сапоги в качестве трофея победителю. Ещё один ретивый соискатель ударил кузнеца в грудь,

едва не вывернув запястье, взвыл от боли и позорно бежал. Остальных вынесли те, кто предпочёл сохранить зубы в целости.

— Та шоб на вас кошки клали под забором! Шоб у вас, собачьих сынов, руки-ноги поотсыхали! Шоб вам, москалям, никто поутру не дал рюмки водки опохмелиться! Шоб вам обоим прямо тут зараз же и опухнуть!!!

Не обращая никакого внимания на жалобную ругань побеждённых, Вакула и Николая церемонно обнялись. Дружба простого кузнеца и паныча знатного рода не нуждалась в лишних подтверждениях, пустых клятвах или красивых словесах.

— Як же вы ловки в драке, паныч...

— Да говори мне «ты»!

— Не, не можно. Вы ж пан, а я... Никак не можно!

Переубедить кузнеца было нереально, его так с детства воспитали. Николая в очередной раз махнул рукой, убедившись в бесполезности спора. В конце концов, не это важно. Сейчас, после короткой драки, когда горела кровь и радостно ныли мышцы, его пытливый ум вновь обратился к тайнам заброшенной церкви за селом...

Приятели договорились встретиться на перекрёстке четырёх дорог до полуночи и вместе отправиться в расхристанную церковку в двух верстах от Диканьки. У молодого кузнеца ещё было довольно работы на сегодня, а Николая надеялся умаслить тётушку, дабы она не посылала тревожные письма милой матери его, Марии Ивановне, и не отвлекала её от нежных забот о младших сестрицах Машеньке, Лизоньке и Олюшке.

В общем и целом товарищи сочли сегодняшний день вполне себе успешным началом, вновь обговорили место и время встречи, после чего весёлый гимназист покинул гостеприимную кузницу верного друга своего и вернулся в тётушкины пенаты. Причём туда он бежал ещё быстрее, чем оттуда!

И не подумайте, ничего такого физиологического, как если бы незрелых груш человек объелся или напугался чего, передумал, решил отсидеться под крылышком заботливой Анны Матвеевны. Нет, сердце его было сердцем льва, а в жилах кипела кровь первых братьев рыцарей — запорожцев! Причина, заставляющая нашего героя увеличивать шаг, была куда более прозаичной и романтической одновременно. Имя сей причине — литература!

В нашем случае сиречь сочинительство. Страдая (или наслаждаясь?) тайной страстию к театру, Николая скрытно пробовал силы свои в написании стихов и пьес. Однако же сегодня по дороге от кузницы пришла к нему в голову мысль совершенно оригинальная.

— И почему доселе никто не удосужился записывать предания и легенды простого народа Украины? — бормотал он себе под нос, совершенно довольный самим собой как собеседником и слушателем. — Ведь те самые «бабкины сказки» находят воплощение своё в бессмертной поэзии столичных господ сочинителей. Один Александр Сергеевич Пушкин с его нянюшкой чего стоят! Так чем же волшебные истории нашей Малороссии могут быть хуже?! Да и чем же они хуже-то, скажите на милость?! Разве не один народ их сложил? Разве певучая речь наша не внятна слуху братскому? Разве наши чудные истории запорожского козачества и колыбельные молодух, баюкающих детей своих милых, менее поэтичны, чем у любой иной народности, населяющей великую Родину нашу — Россию? Однако же не дело сие, господа хорошие, ох не дело...

И, полный решимости исправить досадное это недоразумение (если не оплошность или, того хуже, злонамеренную чиновничью ошибку!), вернувшись в дом, Николай заперся у себя во флигеле, достал три листа хорошей бумаги, очистил заранее кучу гусиных перьев, старательно, высунув язык набок, хитро сощурившись, словно дворовый пёс, за-

метивший соседского кота на крыше своей будки, и бросился заполнять лист мелким, хорошо читаемым почерком:

«Ведьмы, колдуны, русалки и всяческая иная нечисть встречается в краях наших довольно часто. Уж по-любому так чаще, чем в больших городах. Думается мне, что хоть столицы великие наши, Киев, Москва да сам стольный Санкт-Петербург, строились на так называемых линиях силы, а только сила та давно выдохлась. Раньше там стояли языческие капища, храмы древних богов, столь старых, что люди и не помнили сакральные имена их. А ныне? Ныне попробуй-ка встретить на Тверской в Москве или на блистательном Невском хоть того же чёрта?! Разве чижик-пыжик на тонких ножках прошмыгнёт вдоль Фонтанки. Нет уж, господа хорошие,

придётся вам ехать за ним в нашу тихую Украину. Сюда, сюда, подальше от центра, собралась нечистая сила всех мастей...»

На этом месте господин сочинитель отвлёкся на дивные запахи борща с курятиной, свежеиспечённых ватрушек и душистого мёда. По старым традициям ужин тётушка готовила так, словно бы собиралась каждый вечер кормить роту солдат из Миргорода, а до кучи ещё и напоить их войсковое начальство. При всём том главной печалью добрейшей женщины был хороший метаболизм её стройного племянника, сметавшего всё, но категорически отказывающегося толстеть...

— От беда така-ая, шо ж ты не ешь, Николенька?! От же гусак печёный, гля, жир так и течёт по пальцам, як янтарь! А кашки гречневой, с грибами да маслицем, я те ща и молока сверху налью да сахару насыплю сколько хошь! А расстегай с севрюжкою с пылу с жару, севрюжка-то она тока вечер в реке плескалася. А может... стопочку перцовой аппетиту ради?

— Мы уже приняли, — радостно хихикнули сестрицы двоюродные, и, судя по румяным яблочкам девичьих щёк, не по одной. Но кто ж их осудит? Вопрос философски-риторический, а на украинской земле ещё и довольно обидный.

Не желая ввязываться в диспут и памятуя о позднем времени, Николя сказался усталым, выговорив себе разрешение удалиться во флигель прилечь пораньше. Прекрасно зная, что беспокоить его не станут, молодой человек тем не менее на всякий случай напихал разных вещей на кровать, создав таким образом не особо достоверную копию себя, спящего с головой под одеялом, спустился с подоконника, обнял здорового цепного пса, почесав разомлевшую зверюгу за ухом, и, перепрыгнув высокий забор, дал дёру в ночь.

А видели ли вы украинскую ночь?

О, вы не видели украинской ночи! На высоком необъятном небесном своде, прямо с середины его, глядит месяц. Земля вокруг вся замерла в дивном серебряном свете. Чудесный воздух ночной прохладно-душен и полон неги, и

медленно двигается в нём целый океан благоуханий. Умолкло далёкое село. Тихо вокруг. Вот и спят уже все благочестивые люди. И лишь городской искатель приключений на филейте бесшумно скользит вдоль старого плетня к далёкой дремотной Диканьке...

— Дивитись, люди добри, який парубок гарний. — От звука необычайно нежного и по-украински распевного девичьего голоска Николая едва не споткнулся. — Ой, лишеньки, так то сам паныч-гимназист!

Молодой человек остановился. Шагах в десяти от просёлочной дороги, у одинокого тополя, стояла дивная красавица в простом сельском наряде, белой вышиванке, коричневой юбке чуть выше колен, черноволосая, чернобровая и черноглазая. Прекрасная той яркой и ошеломительной красой, каковая до сих пор частенько встречается порой в бескрайних просторах наших.

— Добрый вечер! — галантно поклонился Николай, легко переходя на вполне знакомую ему манеру речи. — А что, не во гнев вам будь сказано, делает столь прекрасная панночка ночью у дороги?

— Та так, скучаю...

— Панночка скучает? — не сразу поверил доверчивый гимназист. — Ночью, одна, в чистом поле? Действительно, почему бы и нет...

— А что ж, паныч, не развлечёте ли бедную девицу? — Красавица жалобно повела бровками и эдак причудливо, по-женски качнула круглым бедром. Движение сие было крайне соблазнительное и столь же целомудренное, било наповал, и неискушённый Николай не устоял.

Да и кто бы устоял перед такими очами, кроткими, глубокими и просящими...

— Что угодно моей ясновельможной панночке?

— Та так, а можно я положу на вашу милость свою ножку?

Подобная откровенность несколько смутила благородного юношу из хорошей семьи. Тем паче что, как и говори-

лось вначале, невзирая на внешнюю приятственность, девичьим вниманием Николая чрезмерно обласкан не был. По разным причинам. Всё как-то не с руки, не до того, учёба, стихи да грешные мысли о театральной карьере занимали всё свободное время его. Возможно, поэтому на этот раз долго он и не раздумывал:

— Да не только ножку, а хоть и вся положишься на меня! В смысле нет, извините, бога ради. «Положись» — это двусмысленно, да?

— Та, есть трюхи, — с игривой капризностью усмехнулась роковая красавица, вздыхая так, что груди её полные призывно колыхнулись под рубашкой. — Так шо насчёт ножки?

Николя и ответить-то не успел, как девица, взметнув коротким подолом, ловко оседлала молодого человека, крепко сжав коленями его шею, взявшись за уши, как за поводья.

— Но! Пошё-ол... — прорычала хрипло.

Гордый потомок запорожских козаков взбрыкнул как норовистый конь, но сбросить прекрасную наездницу почему-то не получилось. Более того, одним движением отломив гибкую ветку от того же тополя, незнакомка так ловко хлестнула парня по икрам, что он и не заметил, как припустил рысью!

— Что за бесовская сила? — удивился Николая, а ноги его уже оторвались от грешной земли и понесли его на сажень, на две, на три вверх мимо спящей Диканьки, едва ли не под самые звёзды. От страха высоты и ужаса происходящего начал он молиться про себя и...

— Куда?! — громогласно раскатилось откуда-то снизу, и длинная железная цепь обвила правую лодыжку нашего ретивого героя. — А ну, вертайтесь взад!

В единый миг Николая, практически вспорхнувший под небеса, самым бесцеремонным образом был низвергнут обратно, в придорожную пыль, и наверняка бы разбился, как аптекарская колба, свистнутая пьяным солдатом у гарни-

зонного лекаря и проданная за стопку водки хитрой шинкарке, если бы не надёжные руки верного друга.

А руки кузнеца, хоть и огрубевшие от постоянной работы с железом, обладали тем не менее столь недюжинной силой, что не только сдёрнули с ночных воздушей странную пару, но ещё и ловко подхватили околдованного приятеля. Восседавшая же на нём красотка с матерными словами (тоже нередкими в устах украинских красавиц), сверкнув ляхами, кувырком вылетела в кусты!

От изумления с Николая разом рухнули все чары...

— Э-э, во-первых, спасибо. Во-вторых, что это было, а?!

— Шо? — на мгновение смутился Вакула, наматывая длинную цепь на локоть. — Якие же могут быть спасибки

промежду добрыми приятелями. А шо це за красава, про то у вас спросить надобно. Нешто вы, паныч, никогда ведьму не бачили?

— Ведьму?!

— А то ж! У нас таких по губернии, як в Киеве на базаре, щиро богато. — Вакула сложил цепь в мешок, достал оттуда два молотка, взвесил в руках, а потом тот, что поменьше, протянул другу. — Та берите, берите, мало ли шо...

— Точно, вооружение никогда не повредит. И, кстати, напомни, что у вас тут вообще с ведьмами делают? Борются с ними как-то?

— Так шо з ними бороться? Молотком её по лбу али в мешок с камнями та в Днепр!

— Это самосуд, — не очень уверенно определил господин гимназист, но тем не менее первый полез мстить в кусты.

Зрелище, открывшееся взглядам друзей, было неприятным...

— Ось бачьте, паныч. Кажись, мы з вами старуху вбили!

— А-а... красавица где?!

Вакула подумал и ещё раз указал взглядом на лежащую в репейнике дряхлую, костистую бабку в драных, возрастом за стопятысот лет, лохмотьях, с кривым носом набекрень и жёлтыми ногами кверху.

— Но там же была девица с ресницами, косой и вот такими вот этими... упс, на себе не показывают.

— Та чего уж, покажите! — Вакула оценил, уважительно хмыкнул и уточнил: — Ще дышит али как?

— Не знаю.

— Ну, так то вы подывитесь, а я прикрою.

Предложение в целом звучало вполне логично. Друзья детства не первый раз вляпывались в разные ситуации, и обычно Николая как раз таки лез первым, а Вакула прикрывал. Что, кстати, по трезвом размышлении отнюдь не делало кузнеца захребетником или трусом. Подумайте сами, вот

ежели, к примеру, двое мальчишек бегут с поворованными яблоками из сада господина исправника, а следом за ними несутся два вдохновлённых погоней цепных пса, то кто рискует больше — тот, кто впереди, или кто прикрывает тыл? То-то и оно! А в сельских драчках тыл и фронт вообще так часто меняются местами, что и не уследишь, пока не вломили...

— Ну, шо там? Ох, не томите, паныч, шо с бабкой-то? Може, не насмерть вбили?

— Похоже, не дышит. — Молодой гимназист осторожно, двумя пальцами, попытался прощупать пульс на щиколотке старухи. Нет, он знал, что надо на запястье, просто ноги были ближе. — Сколько я помню, научный метод предполагает приложение зеркала к устам умершей. Если на поверхности стекла не останется влажного пятнышка, бабке точно кранты!

— И де же я вам тут зеркальце раздобуду?!

— Можно ещё стук сердца послушать, — задумался Николая.

— О! Так вы и слушайте.

— Почему сразу я?

— Так ить чья бабка, тот и слушает, — парировал кузнец.

— Да с чего же она моя?!

— Тю, не орите ж так, всю Диканьку разбудите, — шикнул Вакула, и действительно, со стороны села донёсся полусонный собачий гавк. — А чья ж вона, чья? Мабуть, не вы её по небу на своём горбу катали? Чужих старух эдак-то, по-ди, не возют. Тока родня так на шею садится!

Любящий поспорить паныч Николая собрался было с философским ответом на зазубренной латыни, но передумал и плюнул. Пёс с ним, всё равно не проймёт. Но и приникнуть ухом к бабкиной впалой груди горячего желания не было...

— Давай просто отнесём её куда-нибудь? Да хоть к тебе в кузницу, здесь оставлять как-то не по-христиански будет.

— Ни! За! Шо! — набычился Вакула, а когда он вот так упирался рогом, уж тут сдвинуть его со своей позиции было не проще, чем бычка-шестилетка. — У моей кузне дохлой бабке не место! Та шо ж вы её к себе не хотите?

— Ага, вот тётушка-то обрадуется, — наигранно всплеснул руками Николая, раздосадованный, что такое чудесное разводилово не прошло. — Она ж спит и видит, как я заявляюсь поутру с трупом незнакомой старушки через плечо. А уж сестрицы двоюродные как подпрыгнут от счастья-а... Их и так никто замуж не берёт (пьют и страшны как кикиморы), так ещё такая веселая слава на всю губернию! Решат ещё, что, раз я гимназист, так мне оно для опытов надо...

— Ни-и, у нас за таковые шалости и дом сжечь могут, — рассудочно добавил кузнец, как быстро вспыхивающий, так же легко и отходящий сердцем. — Так от шо я мыслю, паныч, а ежели нам по здоровом размышлении не турусы разводить, а на пару взять да и отнесть покойницу, к примеру, хоть в у ту заброшенную церкву, шо на отшибе стоит? Утром скажем, шо, дескать, нашли от, а отчего вона вмерла — того знать не знаем, ведать не ведаем!

— Как это — не знаем?

— Да от уж так! Иль вы господину исправнику по правде скажете, шо от та красава (с вот такими...) на вас по небу летала, а потом кузнец Вакула з Диканьки вашу светлость за ногу споймал, так шо бабуля об грешную землю навернулась да волей божьей и помре?!

Николя задумался. В принципе, тому же исправнику по пьяни, вполне возможно, и не такие чудеса виделись, благо горилка здесь добрая. Но что-то внутри говорило...

— Не поверит.

— Так и оно ж! Щё брехуном назовёт, и це добре, коли плетей воспитательных всыпать не прикажет, несмотря на ваше благородное происхождение... А як же ж!

Последний довод был наиболее весомым и решил дело. Усталый молодой человек компенсировал душевные стра-

дания, взвалив бабку на широкую спину друга. Тут уж Вакула не мог особо спорить: кто сильнее, тот и тащит. В принципе, он и самого Николая мог бы до кучи на закорках понести, ничего, не закричал бы, к тому же до старого, полуразрушенного и потрёпанного ветрами храма идти было не слишком далеко — по прямой две, в обход три версты.

А уж прогуляться в хорошей компании, с верным другом, по ночной прохладе, свежему воздуху, наполненному ароматами полыни и спелых яблок, так вообще одно сплошное удовольствие. Даже если с трупом за плечами...

— Ось вона, вже близенько.

И впрямь, на невысоком холмике, в окружении десятка засохших вязов и тополей, стояла маленькая церковка. Стены её, некогда белёные, ныне были вымыты дождями до красного кирпича, в дырах покосившегося купола свистел ветер, посеребрённый крест давно утерян, а некогда широкая дорожка заросла крапивой да репейником. Уж, наверное, лет десять, а то и больше никто не служил здесь церковных служб, не вершил треб, не пел тропарей, не освящал пасху, не благословлял, не венчал молодых, не крестил новорождённых и не отпевал в последний путь усопших...

Честные люди забыли сюда дорогу, а нахохлившиеся вороны на чёрных ветках, страшные вестники смерти, жадно следили круглыми бусинами чёрных глаз за парой молодых ребят с недвижимой бабкой на горбу...

— Ось дывитесь, як зашевелились чёртовы птахи. Поди, добычу чуют. Чорный во-о-орон, шо ж ты вёсси-и...

— Слушай, вот не надо военных песен, — остановил друга Николая. — Что-то не нравится мне тут. Не комильфо, мон шер ами...

— Не выражайтесь матюками, за Христа ради, — тут же попросил Вакула, левой рукой придерживая сползающую старуху, а правой мелко крестясь. — И так же ж на душе погано, а туючки ще вы лаєтесь по-иноземному, як немец какой!

— Вообще-то это был французский.

— Та нам у Диканьке всё едино, хто не по-людски говорит, так, стало быть, немец!

— Ладно, отложи ведьму в уголок, всё равно не убежит, а мы с тобой пока церковь осмотрим.

Кузнец пожал широкими плечами, послушно сбросил труп под кустик, подкинул на плечо мешок с инструментом и, лихо заломив шапку, пошёл за верным другом навстречу новым испытаниям. Ежели кто вдруг отчего-то подумал, что Вакула по природе своей был мазохистом, обожающим лезть куда не просят, ловя за это плюхи и тумаки, так оно совсем не так, как кажется.

Просто традиции дружбы на тихой нашей матери Украине извеку почитаемы, и нет на ней уз святее товарищества! Чем в полной мере и пользовался его городской приятель. Тот ещё хитросделанный тип, как вы, наверное, поняли...

Двери в заброшенный храм давным-давно были сорваны с петель и валялись у входа. Изнутри навстречу им прыснули летучие мыши, а из-под ног шмыгнули худые злобные крысы. Не то чтоб так уж и страшно, конечно, но оптимизму оно никому не добавляло, это точно.

— Шо це таке?

— А что? — не понял Николя, как всегда идущий первым, а также традиционно не обращающий внимания на мелочи.

— Лампадка горит. — Вакула ткнул пальцем через плечо друга.

В дальнем углу, у почти чёрного от копоти и грязи алтаря с распятием Христовым, действительно теплился робкий огонёк.

— Храм-то уж сколько лет заброшенный, так хто ж лампадку запалил? Ох, не ладно здесь, паныч. От гуторили же бабы на селе, шо тут нечисть всякая жуткая, а вы — брешут, брешут...

Николя укоризненно обернулся к приятелю, дабы потребовать подробнейших объяснений (когда, где, в какое время, при каких обстоятельствах он говорил «брешут»), но передумал. Просто покачал головой и пошёл прямо на свет лампы, собирая по пути крошечные огарки давно остывших свечей.

Вакула поступил так же, и уже через пару минут вся церковь была освещена двумя десятками свечей, зажжённых от лампадного огонька.

— Ну вот, теперь совсем другое дело! Жить можно!

— Тока чую я, шо недолго...

— Да ты, как мне сдаётся, труса празднуешь?!

— А в ухо?

Как вы понимаете, Вакула не хуже Николая поднаторел в библейском искусстве ответа вопросом на вопрос. Друзья хмыльнулись друг другу и приступили к осмотру места.

Ведь что ни говори, а мужчины, они в любом возрасте дети. Ежели есть какая тайна или просто какой необъяснимый запрет, без дела никем зазря не возводимый, так ведь непременно сыщется пара ретивых хлопцев с шилом в заднице, что не даёт им сидеть со спокойствием на одном месте, а так и толкает в шею, ровно бес мелкий из-за левого плеча нашёптывает: поди, глянь, вдруг чё интересное, а?!

Да разве ж есть у народа русского и украинского, что, по сути, единое тело и душа, силы противостоять эдакому-то искушению. Вопрос безответный, ибо и так все всё про себя знают, так чего уж теперь...

— Ось бачьте, шо я сыскав! — Вакула толкнул носком смазанного дёгтем сапога серый череп с рожками. — Може, то бес поганый, а може, какое научное латинское прозвание для сей диковинки имеется?

— Бесиус вульгарис, — со знанием дела ответил Николая, приняв профессорскую позу, хотя меж лопаток его пробежал предательский холодок.

Пребывание в роли верхового коня под юной ведьмой не задело особых струн в его душе, разве что добавило ещё один камешек к огороду доверия к женщинам. А вот явный череп бесовского существа — это вам не фунт изюму. Хотя одна находка, конечно, ничего не решает, а...

— Та тут их, як полюбовников у дьяконовой кумы! Шо не козак, так мимо ихней хаты не пройдёт, не вытянув пожуравлиному шею, шоб хоть одним глазком подсмотреть в оконце, как там хозяйка какую рубаху на новую переменяет... Ох и добрая баба!

— Ты тоже подсматривал?

— Я-то?! Ни! Упаси господи, та тю на вас! Да ни в одном глазу! Шоб я сдох! Шоб у вас за такие-то мысли... Тьфу, тьфу, тьфу, с нами крестная сила и духовная рать!

— Вакула, не истери.

— Я?! Чого? Та ни в жисть! Шо я, голых баб не бачив?!

— Погоди. — Никола остановил красного, как борщ, друга. — Это уже не просто череп, это более на мумию египетскую похоже.

— А шо це за зверь? Я ж тока про казни египетские у отца Кондрата слышал, когда ему в притворе чёрта намалював. Ох и мерзкий был чёртыка! А отцу Кондрату з глузду почудилось, шо рожа у нечистого дюже на его свояченицу похожа...

— Но ты, конечно, не с неё писал.

— А с кого же ж?!

Николя остановил эмоциональный всплеск чувств возбуждённого друга и продемонстрировал ему страшное существо, до половины торчащее из кирпичной стены у самой алтарной зоны. Вытянутый череп, собачья морда, козлиные рога и тело трёхлетнего дитяти с лягушачьими лапками. Раз взглянешь, так вовек не забудешь и до старости во сне вздрагивать станешь...

— Може, я на него плюну?

— Зачем?

— Т-так. Уж дюже воно погано, — взмолился кузнец.

Николя пожал плечами и разрешил. На свою голову. Ибо в тот же миг по всему храму словно бы пронёсся холодный порыв ветра, завывая по-волчьи, взметая пыль, заставляя зажмуривать глаза и сжимая самые храбрые сердца ледяной рукой страха...

— Спаси-сохрани, царица небесная-а...

В один момент ожила вся церковь. Наполнилась хохотом, визгом, хрюканьем и (да простит меня интеллигентный читатель) звуком ветров, пускаемых задницами неведомой нечисти. Что-то тяжко загрохотало по крыше, гулко застучало по потолку, подозрительно заскреблось по углам.

Разом погасли все свечи, кроме разве что маленькой лампадки, наоборот вспыхнувшей ещё более ярким оранжевым пламенем. Потом вдруг резко настала такая тишина, что Николая, казалось, слышал, как волосы шевелятся на голове его друга. А потом в дверной проём пополз синий туман, хищными осьминожьими щупальцами скользя по полу, с нехорошим шипением и гадостным запахом заполняя все углы...

— Вакула.

— А-а-а-а!!!

— Ты чего орешь?

— А шо вы мене пугаете?! — едва ли не бабьим фальцетом ответил могучий кузнец, раскатывая по полу длинную железную цепь.

— Что это? Зачем вообще? Это же суеверия махровые.

— Угу, подвиньтесе трохи...

— Да, конечно. — Николая отступил на шаг назад, дабы не мешать другу с оцеплением. — Но, право, я даже изумлён слегка, ты ведь по местным меркам считаешься культурным человеком. Кузнец! Это же, по сути, рабочая кость, цвет нации, сливки общества, центр вселенной, можно сказать. Ты же грамотный! Рисовать умеешь...

— Малювать, — нервно поправил кузнец, не отрываясь от дел.

— ...малювать умеешь, церковные службы не пропускаешь, у самого пана головы на хорошем счету. А нервничаешь из-за каких-то природных явлений. Ну дунуло в двери сквозняком, так чего же сразу бледнеть-то?!

Вакула наверняка хотел как-то ответить, и даже не словами, а чем-то потяжелее, но не успел. Раздался дробный стук копыт, и в дверном проходе показались две колонны маленьких, не больше вершка, уродливых бесов. Голые, с длинными мохнатыми хвостиками, бодро поднятыми вверх, рожки торчком, пяточки выше бровей, и шаг печатают, как гренадёры в Киевском пехотном полку.

Николя даже невольно залюбовался их почти что армейской выправкой, но, когда мелкая нечисть выстроилась вдоль стен, под дикий, немзыкальный вой влетел в закрытый храм чёрный гроб! И, что страшнее всего, в гробу том сидела та самая бабка...

— Ха-ха-ха! — театрально-демоническим голосом расхохоталась старуха, встав в полный рост и разгоняя подолом облака перед слегка обалдевшими (или не слегка, если уж совсем по совести) приятелями. — Вот и смерть ваша настала, охальники!

Молодой человек открыл было рот то ли от изумления, то ли для ответа, но верный друг сгрёб его сзади за штаны, стягивая в очерченный цепью круг.

— Сопротивляться дерзаете, дурачочки? Так нет же вам!

Зависший в воздухе гроб, словно фрегат на всех парусах, рванулся вперёд и... отлетел, будто бы ударившись о невидимую стену! Стоящую на капитанском мостике бабку едва не выкинуло на фиг вверх тормашками, гулко стукнув затылком о край гроба. Даже бесы осторожно хихикнули в кулачок...

— Это чёй-то было, злодеи?! — Как вы заметили, старуха, в отличие от образа чернобровый красавицы, на мало-российский акцент даже не претендовала, а материла друзей на чистом русском. — Я ж вас, щенки куцехвостые, на-

изнанку выверну! Я вам уши оборву и при вас же съем, в соль макая, как яичко на Пасху! А потом причинадалы отвинчу, на колбасу порубаю и...

Вакула целомудренно прикрыл уши другу, а бабка, вновь встав в гробу в позу Стеньки Разина на челне, бросилась на штурм. Молодой гимназист так и замер, словно замороженный суслик посреди малороссийской степи, а его приятель, наоборот, опустил на колени и, беспрестанно осеняя себя крестным знамением, пустился читать молитвы.

— Хосподи, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да свершится воля Твоя, да...

Ведьма завизжала, залаяла по-собачьи, бесы упали на пол, зажимая ладошками уродливые уши свои, пытаясь спастись от чистых слов, обращённых к престолу небесному. Не терпит этого их чёрная сущность, но и отступить от христианской души не смогли они, ибо нет для мира нечистого ничего желаннее, как загубить православного козака! Впрочем, не только козака.

Вполне подойдёт для сей цели и богобоязненный кузнец, и образованный паныч из Нежинской гимназии. Хотя Вакула по-любому был предпочтительней, даже если просто исходить из общей массы мясного продукта. Николая же куда как менее румян и более тощ...

— Всё равно возьму! Мои будете! Никуда вам не деться! — орала бабка в гробу, долбя невидимую стену, очерченную кузнецом, с упорством турецкой армии, бьющей в стены Азова. Но наши герои божьими молитвами и твёрдой рукой держали оборону.

— Молоток дай.

— Да рассеются врази твои, як... шо?

— Молоток, говорю, дай.

— Та вона у мешке, вам надо, вы и берите. И не отвлекайте ж меня за-ради всего святого!

— Извини, — мрачно улыбнулся потомок великих заповождцев, пошарил в мешке кузнеца и вытащил среднего весу молот на длинной ручке. — Подвинься, пожалуйста. Что ты там только что говорил?

— А? Так, шо... э-э... во имя Отца и Сына и...

— ...Святого Духа! — закончил Николая, со всего плеча врежая железным молотом по летящему на них гробу. Удар оказался столь эффективен, что злобную старуху вышвырнуло на пол и накрыло обломками того же гроба сверху.

Бесы изумлённо притихли...

— А шо, так тоже можно було? — недоверчиво обернулся кузнец. — Отец Кондрат учил тока молитвою душу от нечистой силы защищать. Про молот я в проповеди отродясь не слыхивал.

— Западноевропейская нечисть, британская в особенности, жутко боится холодного железа, — авторитетно заявил геройский гимназист, счастливый самой возможностью поблестать книжными знаниями. — Отчего же и в наших пенатах украинских сие сработать не должно? Вот я и решил на научный эксперимент в условиях, приближенных к экстремальным, и по результату хоть сей же час садись да диссертацию на профессорское звание пиши! Хотя думаю, что учёные умы наши не готовы ещё к...

— Вот вы, значит, как, молодёжь, а? Драться решили?! Никакого уважения к старшим, ходи, стало быть, бабушка, голодной... Кума! Кума! Наших обижают!

Парни и переглянуться не успели, как в дверной проём влетела ещё одна ведьма на метле. Две нижние челюсти отвисли одновременно. Николая выпустил из рук молот, упавший по закону Ньютона на ногу Вакулы.

— Мамо! — возопил тот. И не подумайте, что из-за молота. Ну то есть не только из-за него...

— Сыне?! — столь же искренне удивилась прекрасная Солоха, пытаясь побыстрее развернуть метлу обратно. — А шо ты тут робишь? Що тебе не спится, а?

— Так это твой, что ли? — Старуха-ведьма вылезла из-под гроба, отряхнула подол и чуть виновато зыркнула на друзей. — Вот ведь недаром же говорят, что чужие дети быстро растут. Как вымахал-то, кума? Всё, чернявого есть не будем. Но второго-то можно?

— Що? А-а... энтото можно, энтото даже нужно, — поняв, что ситуацию уже не исправить, решила мама кузнеца. — Сыноньку...

— Шо, мамо?

— Цепочку разомкни, коханий мой.

— З чего бы то?

— Ну як же? — Солоха спустилась, тщательно подбирая слова. — Та ты не бойся, родненький, тебя ж, кровиночку мою, при мне никто не покусает. А его не жалей, вин дурный, вин тебя ничему хорошему не научит!

— Эх, мамо, мамо, — горько вздохнул Вакула, доставая из необъятного мешка своего таких размеров молот, что Николая его и поднять-то не дерзнул бы, чтоб пупок не надорвать, и легко покачал инструмент в руках.

— Сыне, ты що? — не на шутку всполошилась Солоха.

— Вот уж и впрямь воспитала сыночка, — язвительно поддержала старуха. — Ни себе, ни добрым людям. Третий день голодная хожу, ни одного бурсака на постоялом дворе. Отдай паныча, жадина!

— Сынонька, Вакулушка, серденько моё, послушай мамоньку свою. Що тобі в том балаболе?! Он же ж и языка нашего простого не розумиет. Та тю на него! А вона бабушка голодная. Тебе бабушку не жалко?! Кидай его сюды, ну?

— Ловите, мамо, — без малейшей улыбки ответил Вакула, запуская молот в короткий перелёт.

Пудовый кузнечный инструмент приземлился ровно в руки пышной мечты половины мужского населения той же Диканьки и близлежащих хуторов. Кума рухнула на куму, придавив последнюю и метлой, и молотом, и собственной задницей. Мат взлетел аж до самого потолка!

Мелкие бесы не сдержались, воодушевлённо хлопая в ладоши и топоча копытцами, им же любое буянство только в радость. А в перекрытие всего поднявшегося шума, словно гром небесный, раздался первый петушиный крик, возвещающий начало нового дня. Единый миг — и исчезло всё, ровно не было...

— До дому, до хаты? — хрипло спросил кузнец, от души крестясь на тихую лампадку.

— Пожалуй, — всё ещё не пришедший в себя от сих изумительных чудес, вздохнул Николая. — А что тут было-то? Твоя мать, почтенная Солоха, получается, на самом деле ведьма?

— Привиделось, — обрезал Вакула, выходя из круга и подбирая молот. — Не могло того быти. Она же ж мамо, и шоб... ни-ни!

Молодой гимназист посмотрел на солидный кулак, поднесённый к его носу, признал весомость аргумента и кивнул. В конце концов хорошо всё, что хорошо кончается, а там, бог даст, без суеты да спешки разберёмся. Поэтому друзья не стали стоять в кругу, честно дожидаясь третьих петухов. Вооружились молотами, смотали цепь и, укрепив сердце своё молитвою, остороженько, плечом к плечу вышли из заброшенной церкви.

На первый взгляд ничего такого уж страшного не произошло. На второй, кстати, тоже. Можно было перекреститься, выдохнуть и выйти навстречу первым лучам восходящего светила. Свежее утро встретило их розовым светом, сладким ветром, дышащим с цветущих полей, птичьим щебетом, необъяснимой, первозданной чистотой малоросской природы, в коей каждый миг и час проявляется великая щедрость и неизбывная доброта Господа Бога.

Дыша этой радостью, этим счастьем вечной жизни, едва ли не держась за руки, словно беззаботные крестьянские дети на весеннем лугу, пошли герои наши от того жуткого места к родной Диканьке, и сердца их пели! Просто потому,

что молодые люди элементарно не понимали, во что вляпались...

— Так шо, паныч, може, ко мне в кузню заглянем?

— Нет, извини, надобно успеть до завтрака, а тётушка встаёт рано.

— Кланяйтесь от меня доброй Анне Матвеевне. У прошлом годе ставил я ей кованый засов на ворота. Так она добре заплатила, так ще и стопку водки поднесла и отрезом ситца одарила, дай ей боже всяческого благополучия!

— И ты передавай поклон маме. — Николая вовремя закусил губу, надеясь, что друг не обиделся.

Вакула, конечно, поиграл желваками, но также решил не развивать тему дражайшей Солохи, которая, как оказалось, и впрямь ведьма. Выходит, не брехали «сучьи бабы», а если и да, уж во всяком случае не относительно его маменьки...

— Молчу, — после неловкой паузы добавил Николая.

— От то верно, — без улыбки подтвердил Вакула. — Шо мне показалось, то и вам погрезилось, и нехай воно всё буде як оптическая иллюзия. Я про них на Сорочинской ярмарке слышал, там цыгане с лошадьми такие штуки вытворяют, сплошной обман зрения. Шо?

— Я молчу.

— И шо ж вам не верю...

— Э-э, вроде как в животе бурчит, завтракать пора, да? — выпутался молодой гимназист.

Кузнец кивнул, церемонно пожал руку приятелю и распрощался от всей души:

— Коли днём будете у наших краях проходить, так же и проходите!

— Я после обеда загляну?

— Ни, ни, не приведи господь! Отдыхайте.

— Ну, кстати, да... я так вроде что-то пописывать начал.

— От впредь и пописывайте, так будет добре. А шо касается маменьки моей...

— Сказал же, молчу.